

И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

**ПАМИРСКИЕ ЯЗЫКИ О МИФОЛОГИИ
ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ**

*(Этнические проблемы истории Центральной Азии
в древности. М., «Наука», 1981)*

При сравнительно-историческом анализе индоевропейских языков широко используются данные преимущественно письменных языков. Между тем индоевропеистика обладает большим резервом фактического материала, представленного в бесписьменных языках, особенно в иранских, дардских и кафирских. В иранских языках многие слова, важные для сравнительно-исторических исследований индоевропейских языков и для культурно-исторических реконструкций, не засвидетельствованы в ограниченных по объему и часто противоречивых памятниках письменности древних языков. Эти слова сохранились лишь в современных живых языках и диалектах. Ни в какой другой группе индоевропейских языков изучение живых языков и диалектов не имеет столь большого значения для компаративистики и для истории культуры, как в иранской группе. Исконная индоиранская лексика оказывается лучше засвидетельствованной именно в живых языках, а не в древнейших письменных памятниках. Наиболее значительные открытия последних лет в этой области принадлежат Э. Бенвенисту, В. Б. Хеннингу и Г. Моргенштерне [см., например, 23, с. 20]. Очень показательны в этом отношении реконструкции пантеона и пандемониума древних иранцев на материале живых иранских языков. Проблемам реконструкции религиозных верований древних ариев на материале живых кафирских и дардских языков была посвящена статья Ж. Фуссмана [13]. В этой заметке предпринимается попытка реконструировать некоторые мифологические представления древних иранцев на материале языков небольших иранских народностей Западного Памира и Восточного Гиндукуша: шугнанцев, рушанцев, язгулямцев, ишкашимцев, ваханцев, мунджанцев и др.

Известный пассаж из пятого столбца Бехистунской надписи о войне царя Дария против саков тиграхауда («с остроконечными шапками») гласит: «Эти саки были неверные, они не поклонялись Ахурамазде» (V, 31–

32). В пятом столбце к изложению военных событий впервые добавляются комментарии религиозного характера. Ксеркс, преемник Дария, посвятил насаждению культа Ахурамазды целую надпись (так называемую «антидэвовскую»). Вместе с тем, как явствует из новых исследований [5, с. 29–32], у нас нет данных о том, что первые Ахемениды проводили политику религиозной нетерпимости и насаждали на завоеванных территориях культ Ахурамазды, как это прежде считали. Свидетельство удачи политики воинствующего маздеизма видели, в частности, в том, что в одном из предполагаемых сакских диалектов – хотанском языке – засвидетельствовано слово *urmaydā* ‘солнце’ («ахурамаздовское») как следствие религиозной политики Ахеменидов или наследие существовавшего в среде хотанских саков зороастризма [1, с. 117; 10, с. 123]. Подобные заключения представляются несколько сомнительными. В свете фактов живых памирских языков хотанское *urmaydā* ‘солнце’ предстает не как результат насаждения или проповеди зороастризма, но как наследие древних племенных культов, на почве которых сформировались различные модификации позднейших религиозных учений.

Религиозные культы и мифологические представления древнеиранских племен были, очевидно, чрезвычайно разнородными. Отдельные их черты позднее получили развитие в зороастризме, но по другим своим чертам эти культы, видимо, примыкали к верованиям индоарийских племен, на основе которых оформилась ведическая религия. Лингвистические данные говорят о значительной диалектной раздробленности древних индоиранцев, за которой, вероятно, следует предполагать и их племенную разобщенность, что отнюдь не противоречит распространенному представлению об определенной общности между древними иранскими и индоарийскими племенами. Разобщенность индоиранских племен, особенно учитывая всю широту предполагаемого «иранского пространства» (от лесостепей Восточной Европы до полупустынь Восточного Туркестана), порождала не только различия в языке и вызывала обособление диалектов; она порождала многообразие культов и разнородность религиозных воззрений.

Данные иранских языков показывают, что культ солнца, связанный с именем Ахурамазды, фиксируется лишь для части древнеиранских племен, у некоторых же солнце отождествлялось с Митрой. Как показывает Авеста, обе эти разновидности культа синкретизировались в зороастризме; в Авесте солнце связывается и с Ахурамаздой и с Митрой. Что же касается ведической религии, то в ней солнце также связывается с Митрой¹ (наряду с Сурья, Вишну и др.), а культ Ахурамазды отсутствует. Помимо упомянутого хотанского *urmaydā* – обозначения солнца, восхо-

дящие к др.-иран. *ahura-mazda-*, можно видеть также в ишкашимском *rémtūzd* и сангличском *ormōzd* [22, с. 381]. В то же время в соседнем мунджанском языке и в близком к нему йидга название солнца восходит к имени Митры: мундж. *mígo*, йидга *mīga* [22, с. 228]. Такого же происхождения обозначения солнца в языке ормури и в некоторых афганских диалектах: орм. *mēš^r* [21, с. 401], афг. *mēr*, ванечи *mīr* [19, с. 54] ‘солнце’. В персидском и таджикском языках слово *mīhg* наряду со значением ‘любовь’, ‘согласие’ имеет и значение ‘солнце’. В ваханском и языках шугнано-рушанской группы представлены различные отражения гетероклитической флексии *hvar-*, *hvan-* ‘солнце’: вах. (y)ig, шугн. *xīg*, руш., хуф. *xōg*, сарык. *heg*, язг. *xəwīg* ‘солнце’, ‘солнцепек’ [20, с. 98].

Для народных верований характерно антропоморфное представление о солнце. Ишкашимцы и ваханцы иногда клянутся солнцем, говоря: «Клянусь головой солнца» [ср. 3, с. 35]. Некоторые данные этнографии свидетельствуют против предположения о том, что в этих районах на окраинах Ахеменидской державы был насажден государственный культ или же распространился зороастризм в эпоху владычества Сасанидов. Укажем на одну из распространенных формул сватовства у ваханцев. Один из старших родственников жениха говорит отцу предполагаемой невесты: «Мы пришли к вам просить мойщицу трупов» (считается, что невестка будет омыwać тела умерших родителей мужа). Трудно представить, чтобы такая формула сохранилась после принятия зороастризма.

Данные памирских языков свидетельствуют, что культ луны у части древнеиранских племен был связан с именем божества опьяняющего напитка хаумы (авест. *haoma-*, др.-инд. *soma-*). Эта связь не находит подтверждения в Авесте, но хорошо согласуется с мифологией индоариев. Слова памирских языков – мундж. *yūmana*, вах. (y)imyk, шугн., руш., хуф. *amōjak*, также афг. (w)umān и тадж. диал. *ximá* ‘хвойник’ – позволяют идентифицировать растение, из которого изготовлялся этот напиток, по крайней мере во время пребывания иранцев в Центральной Азии, как разновидность хвойника (эфедра) [подробнее см. 9, с. 138–139; 6, с. 364, примеч. 22]. Отождествление луны и божества опьяняющего напитка относится для части племен, видимо, еще ко времени индоиранской общности. Это подтверждается тем, что вах. *mak* и мундж. *yūmáγika* ‘луна’ безусловно восходят к др.-иран. **haumaka-* ‘хаома’. В ваханском языке падение первого слога объясняется постоянной префиксацией притяжательного местоимения *žy*, *žə*, ‘мой’ и происшедшим перераспределением. Другие этимологии вах. *mák* ‘луна’ предлагались для сочетания *žəmək* – букв. ‘моя луна’ и потому неудачны².

По данным некоторых памирских языков с известной долей вероятности можно реконструировать для части древнеиранских племен культ божества земли по имени Spanta («Святая»). Из Авесты известно имя божества Spanta-ārmaiti (приемлем перевод «Святое благомыслие»), символизировавшего мир и связывавшегося с землей. В хорезмийском языке имеется регулярное отражение этого имени – хорезм. 'sbnd'gmd, что значит просто 'земля', в чем действительно можно видеть наследие зороастризма, так же как и в хотан. śśandrāmatā- 'земля' [11, с. 141]. В других восточно-иранских языках название земли восходит лишь в первой части древне-иранского композита к слову *spanta-: хот. śśanda-, ишк. šyt, вах. šət 'земля'³.

Шугн. sāy(d), руш., хуф. sāw, барт. sāwn 'большая змея' (в фольклоре), 'дракон' закономерно соответствуют имени ведического демона засухи Śuṣṇa-, убитого Индрой; до сих пор этот персонаж считался неизвестным древнеиранской мифологии. На Западном Памире существует ряд преданий об этой змее, которые могут пролить свет на дракона Сушну в мифологии древних ариев [17, с. 24–30].

Некоторые имена памирских мифологических персонажей интерпретировались неверно. Сарыкольское bylas, būlas 'злой дух', 'колдун(ья)' связывалось с авестийским демоном сна būšyastā- [20, с. 19]. Это слово известно также в вах. bəl(h)ás 'прожорливый демон', 'людоед', в вершикском и бурушаски: бур. bilas 'людоедка'⁴. По всей видимости, это старая адаптация перс. (из араб.) (a)bu-l-havas – букв. 'отец страсти, вожделения', ср. афг. bulhavaś 'жадный', 'скупой', перс. также bulhōs [14, с. 52, № 227]. Пашай balakī 'людоедка' не связано с перечисленными словами, а родственно перс. (из араб.) balā 'несчастье'⁵.

Другой персонаж памирской мифологии (вах. bargúš, bərgúš) – красивый мужчина, не имеющий на груди и животе кожи, так что все внутренности его открыты, – неправильно объяснялся как тадж., перс. big-guš – досл. 'буроухий' [7, с. 118, примеч. 15]. Происхождение этого слова остается неясным, но в ваханском оно, безусловно, связано с бурушаски girgiš 'некое сверхъестественное существо'⁶.

Из вышеизложенного видно, что данные современных живых иранских языков могут содержать информацию о более глубокой древности, чем древнейшие известные тексты. Данные памирских языков позволяют, разумеется с известными оговорками, реконструировать многообразие древнеиранских племенных культов. Важно отметить, что языки и диалекты небольших иранских народностей Западного Памира и Восточного Гиндукуша сохраняют до сих пор исключительно ценный лингвистический материал, весьма существенный для изучения духовной культуры и

истории древних индоиранцев. Вместе с тем надежная и всесторонняя фиксация этих материалов еще далеко не завершена. До сих пор в Восточном Гиндукуше еще бытуют индоиранские языки и диалекты, известные в основном только по своим названиям. Введение в научный обиход материалов этих языков и диалектов – самая актуальная задача индоиранской филологии, потому что с течением времени исчезают или сильно деградируют сами объекты исследования.

NOTES

¹ В отождествлении солнца с Митрой в позднейшей традиции (в частности, в «Махабхарате») Г. Моргенштерне склонен видеть раннее иранское влияние [см. 18, с. 278].

² Например, возведение к др.-иран. *vaḥš-, *uxš- + *māh- – букв. ‘возрастающий месяц’ [22, с. 190], но ср. вах. тыу < māx ‘календарный месяц’.

³ Не совсем ясна связь с шугн., руш., хуф., барт., рошорв., сар. sit, язг. šat ‘земля’: к авест. suāva ‘черный’ [8, с. 105] или это «бродячее слово» из индоар. [20, с. 76]?

⁴ Рассказ о людоедке приводит Лоример [15, с. 191; ср. 12, с. 94].

⁵ Ср. упоминание о демоне balo – букв. ‘горе, беда’ у М. С. Андреева [2, с. 89]; также язг. (из тадж.) baló – демоническое существо, причиняющее вред роженицам [4, с. 229].

⁶ См., может быть, род древнеиндийских мифических существ Bhṛ̥gu- (к корню bhṛāj- ‘сиять’?) [16, с. 517–518].

ЛИТЕРАТУРА

1. АБАЕВ В. И. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса. – ВДИ. 1963, № 3.
2. АНДРЕЕВ М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Таш., 1927.
3. АНДРЕЕВ М. С., ПОЛОВЦОВ А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. СПб., 1911.
4. АНДРЕЕВ М. С., ПЕЩЕРЕВА Е. М. Ягнобские тексты. М.–Л., 1957.
5. ДАНДАМАЕВ М. А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI–V вв. до н. э. – ВДИ. 1974, № 2.
6. Мифологии древнего мира. М., 1977.
7. РОЗЕНФЕЛЬД А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана. – СЭ. 1970, № 3.
8. СОКОЛОВА В. С. Генетические отношения язгулянского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.

9. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ И. М. Флора иранской прародины (этимологические заметки). – *Этимология* 1972. М., 1974.
10. ASMUSSEN J. P. Die Iranier in Zentralasien. – *AO*. XXVII, 3–4. Copenhagen, 1963.
11. BAILEY H. W. Saka śśandrāmatā. – *Festschrift für W. Eilers*. Wiesbaden, 1967.
12. BIDDULPH J. Tribes of the Hindoo Koosh. Calcutta, 1880. (Graz, 1971).
13. FUSSMAN G. Pour une problematique nouvelle des religions indiennes anciennes. – *JA*. 265, 1977.
14. HORN P. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
15. LORIMER D. L. R. The Burushaski Language. Vol. II. Oslo, 1935.
16. MAYRHOFER M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd II. Heidelberg, 1963.
17. MORGENSTIERNE G. An Ancient Indo-Iranian Word for «Dragon». – *Irano-Dardica*. Wiesbaden, 1973.
18. MORGENSTIERNE G. Early Iranic Influence upon Indo-Aryan. – *Commemoration Cyrus*. Vol. I. Leiden, 1974.
19. MORGENSTIERNE G. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
20. MORGENSTIERNE G. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.
21. MORGENSTIERNE G. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. I. Oslo, 1929 (2nd ed. 1973).
22. MORGENSTIERNE G. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. II. Oslo, 1938 (2nd ed. 1973).
23. MORGENSTIERNE G. Iranian Languages as a Source of History. – “Afghanistan”. Vol. XX, No. 4, 1346 (1968).

SUMMARY

For the most part, the indigenous vocabulary of the Indo-Aryan languages is attested in monuments of ancient Indian writing. Conversely, in the case of Iranian languages many words of importance for comparative-historical studies and cultural-historical reconstructions are not to be found in ancient written sources. Such words have survived only in modern living languages and dialects. The living Iranian languages provide, therefore, very important material for comparative linguistic research and studies in the history of culture. Highly illustrative is the reconstruction of the pantheon and pandemonium of the ancient Iranians proceeding from the data of the living languages.

The names for the sun in the languages and dialects of the Pamirs and Eastern Hindu Kush, which can be traced to the name of Ahura Mazda, the supreme deity of the Avesta, are in all likelihood a legacy of the ancient tribal cults, rather than a result of the inculcation of Mazdeism in the early Achaemenian period. These linguistic data also suggest that the cult of

the moon, as it was observed by some ancient Iranian tribes, was related to the name of the deity of the intoxicating beverage, haoma. With a certain degree of probability one can also reconstruct the cult of Spanta, the deity of the earth, worshipped by some ancient Iranians, the name of Sushna, the demon of the drought, and other demons.